

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ НА ПОРОГЕ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

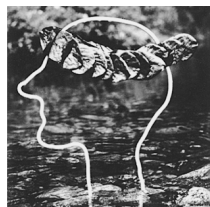
© 2014

Е.В. Бессчетнова

Константин Николаевич Леонтьев прожил очень сложную, наполненную разнообразными событиями и чувствами жизнь. Это был человек свободного ума, исповедовавший “византийское, филаретовское, оптинское православие”¹. Он сменил множество профессий — был врачом, консулом, цензором, помещиком, публицистом и под конец жизни стал монахом, но при этом всегда оставался искателем истины, “с редким любопытством принимая испытания и перемены”². В жизни Леонтьева успеха не было: ему не удалось карьеры врача, дипломата, литератора. Многие его художественные произведения оставались без рецензий и критиками были не замечены. Статьи не печатали. Не было ни материального благополучия, ни любви, ни семейного счастья. Леонтьев женился рано на полуграмотной мещанке, впавшей со временем в слабоумие, и философ, прежде всего ценивший “красоту для всего в мире”, терпел “грязь жены”, в то время как душа его требовала “поэзии”³.

Существовало два Леонтьева. Первый был человеком, чрезвычайно одаренным от Бога, страстным и самолюбивым, его привлекали успех и деятельность. Второй же был глубоко несчастен от несправедливости реальной жизни. Он, будучи человеком уникальным, не имел того, что имеют другие менее достойные люди. Он не был никем оценен, за исключением небольшого круга учеников и единомышленников. Леонтьев был особенным человеком для своего времени, он посвятил свою жизнь реализации одной-единственной мечты о призвании России восстановить единство христианского человечества. По справедливому замечанию современного исследователя, Леонтьев наряду с Достоевским, Вл. Соловьевым был одним из величайших людей XIX века, “всерьез принявших христианство и переживших это приятие на глубинном личностном уровне”⁴.

В воспоминаниях мыслитель, задаваясь вопросом о своей религиозности, писал: “Был ли я религиозен по природе моей? Было ли воспитание мое православным?” И сам же отвечал “нерешительно: да и нет!”⁵ Его дед был русским баринем, в котором тонкое, благородное, аристократичное сочеталось со страшным, диким, степным “азиатством”. На духовную природу философа повлияла его мать. Именно ей он обязан урокам патриотизма и монархического чувства, литературному вкусу, привязанности к изящным предметам и эсте-

**ИЗ ФОНДОВ
КУЛЬТУРЫ**

**Бессчетнова
Елена
Валерьевна** — аспирант кафедры истории философии факультета философии Научного исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ). В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: ebesschetnova@hse.ru

¹ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Париж, 1926. С. 57.
² Грифцов Б.Н. Судьба Константина Леонтьева // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 297.
³ Иванов Г. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995. С. 141.

**Константин
Николаевич
Леонтьев
(1831–1891)**

⁴ Кантор В.К. Константин Леонтьев: христианство без надежды, или Трагическое чувство бытия // Кантор В. "Крушение кумиров", или Одоление соблазнов М., 2011. С. 111.

⁵ Леонтьев К.Н. Мое обращение и жизнь на святой Афонской горе // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 6. Кн. 1. Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869–1891 годов. СПб., 2003. С. 735.

вали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушеествовал бы "индивидуально" и "коллективно" на развалинах всего прошлого величия?⁶ В своей нелюбви к современной буржуазной Европе Леонтьев близок к Ф. Ницше. В.В. Розанов, впервые прочитав немецкого философа, сказал: "Это же Леонтьев без перемен!"⁷ С.Л. Франк в свою очередь писал, что мысль Леонтьева об увядании Запада "роднит его не только с Ницше, близость к которому и в других отношениях весьма замечательна, но и с соответственными пессимистическими размышлениями о современной культуре у Дж.Ст. Милля, Герцена, Ибсена и др.; она роднит его вообще с романтической тоской по красоте и сложности старых форм жизни"⁸. Роднит, но не определяет. Уместно сослаться на точное наблюдение А. Козырева: «У Ницше и Леонтьева можно без труда найти сходные высказывания о пошлости европейской цивилизации, лицемерии, ханжестве традиционной морали. Но пафос разрушения морали, презрения к аскетизму и духовной традиции, ко всяким сдерживающим дух оковам совершенно чужд Леонтьеву. <...> "Ренессанс" судил Леонтьева. Так, может, отравя ницшевского имморализма прежде текла в жилах критиков?»⁹ Эстетизм Леонтьева был не аморальный и не демонический, а вполне возрожденческий, при этом отнюдь не походящий на декадентские призывы начала XX века к злу и насилию. Мыслитель является истинным гуманистом, сродни родоначальникам

тизму оценок. А вот "суровостью настоящего мировоззрения", своей "неподвижности в старом православии", по собственному утверждению Леонтьева, он обязан Афону, а затем Оптиной пустыни.

Религиозные переживания заполняли духовный мир мыслителя с раннего детства, однако тогда его привлекала внешняя красота богослужения. Эстетическая обращенность к Церкви, любование ею — для Леонтьева с этого и начинался его культурный идеал. Именно этим обуславливалось неприятие им эгалитарного прогресса, будничных, серых, безликих и мещанских форм европейской цивилизации, которые ничтожны по сравнению с великими достижениями и победами прошедших веков. Леонтьев писал: «Не ужасно ли и не обидно ли было думать, что Моисей входил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедо-

эпохи Возрождения, он не приемлет новую цивилизацию во имя гуманистического идеала красоты¹⁰. Красота, любовь, разнообразие и одновременно с этим борьба и трагедия — вот главные столпы человеческой жизни. Его эстетический аморализм — не средство преодоления зла, наоборот — через свою теорию философ признает право на существование зла самого по себе. С.Л. Франк писал: «Сходно с Ницше и Бодлером, но, пожалуй, еще сильнее их Леонтьев ощущает красоту всего трагического и демонического; болезненная острота этой любви к трагическому граничит у Леонтьева почти с садизмом. Где нет зла и насилия, порождающих трагедию, там для Леонтьева жизнь скучна и пошла; всякое благополучие, всякая спокойная добродетельность есть начало духовного разложения и смерти. “Что лучше: кровавая, но пышная духовно эпоха Возрождения или какая-нибудь нынешняя Дания, Голландия, Швейцария — смиренная, зажиточная, умеренная?..”»¹¹

Леонтьева всегда притягивали самые чудовищные катаклизмы жизни, ибо только на их фоне могла покоиться та “высшая степень сложности”, которая столь дорога его “нестерпимо сложной” душе¹². Он всегда был против всякой прозы и обыденности. Труд, брак и семья были противны его эстетике. Леонтьев — бунтарь, не приемлющий ничего рутинного, скучного, затягивающего в серое болото. Его чрезвычайно заботила эстетика самой жизни, а отнюдь не эстетика ее блестящих отражений: “Все истинные художники, все поэты, все мыслители, одаренные эстетическим чувством, не любили среднего человека. <...> Все истинные поэты и художники *в душе* любили дворянство, высший свет, двор, военное геройство”¹³. Н.А. Бердяев справедливо отмечал, что “мы видим изумительное явление Константина Леонтьева, по природе своей человека Возрождения XVI века, заброшенного в Россию XIX века, в столь чуждую и противоположную Возрождению, изживающего в ней печальную и страдательную судьбу”¹⁴. Леонтьев явился в позитивистский век, и все его возрожденчество, эстетизм — это протест против современности. Он был героем позавчерашнего дня, но при том лучше других чувствовал движение времени. Мыслителю стоило бы родиться в Екатерининской блистательной России, ведь его идея новой славяно-восточной цивилизации вполне соотносится с византийским проектом императрицы¹⁵.

В.К. Кантор сравнил Леонтьева с Гриневым из “Капитанской дочки” Пушкина: “Гринев — это идеальный подданный России, каким мог бы быть в те времена Леонтьев. Судьба уготовила ему другой путь. Но верность имперскому пафосу он пронес через всю жизнь”¹⁶.

В зрелые годы PROVIDENCE приводит Леонтьева к осознанию невозможности жить без настоящей веры. В 1871 году в Салониках он заболел холерой. Страх смерти заставил его обратиться с молитвой к Материи Божьей перед ее образом, привезенным с Афона: “Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченную, грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного, верующего и в среду, и в пятницу, и в чудеса, и даже постригусь в монахи...”¹⁷ Через два часа, прежде чем пришел доктор, Леонтьев почувствовал себя здоровым, а через три дня уже был на Афоне. В сентябре 1871 года Леонтьев оставил дипломатическую карьеру и год жил в русском монастыре св. Пантелеймона на

Е. Бессчетнова
Константин Леонтьев на пороге Оптиной пустыни

⁶ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч... Т. 6. Кн. 1. С. 84.

⁷ См. об этом: Грифцов Б.Н. Указ. соч. С. 344.

⁸ Франк С.Л. Мирозозрение К. Леонтьева // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 1. С. 237.

⁹ Козырев А.П. Константин Леонтьев в “зеркала” наследников // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 1. С. 428–429.

¹⁰ Булгаков С.Н. Победитель — Победенный (Судьба К.Н. Леонтьева) // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 87.

¹¹ Франк С.Л. Указ. соч. С. 237.

¹² Куклярский Ф.Ф. К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 1. С. 97.

¹³ Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч... Т. 8. Кн. 2. Публицистика 1890–1891 годов. Другие редакции. Наброски. Подготовительные материалы. М., 2009. С. 86.

¹⁴ Бердяев Н.А. Мирозозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С. 117.

¹⁵ См.: Кантор В.К. Указ. соч. С. 111.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Леонтьев К.Н. Избр. письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 588.

Афоне. Значение произошедшего перелома и последнего периода жизни он оценивал так: "...все главное мною сделано после 1872–1873, то есть после поездки на Афон и после страстного обращения к личному православию... Личная вера почему-то вдруг докочила в 40 лет и политическое и художественное воспитание мое"¹⁸. Болезнь философа и его чудесное выздоровление — основное событие, предшествовавшее обращению.

В основе решения полностью изменить жизненный путь, по собственным его словам, лежали, с одной стороны, "давняя (с 1861–1862 года) философская ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни, а с другой — эстетическая и детская какая-то приверженность к внешним формам православия"¹⁹. О причинах, побудивших его оставить карьеру дипломата, мыслитель писал В.В. Розанову: "Причин было много разом, и сердечных, и умственных, и наконец, тех внешних и, по-видимому (только) случайных, в которых нередко гораздо больше открывается Высшая Телеология, чем в ясных самому человеку его внутренних перерождениях"²⁰. Леонтьев всерьез начал думать об уходе в монастырь. Он не хотел быть просто истинно верующим человеком в миру, его основная установка: верить — так верить, а не просто к обедне ходить. Философ описывал свои переживания в тот период так: "Мне не доставало тогда *сильного* горя; не было и тени *смирения*, я верил *в себя*. Я был тогда гораздо счастливее, чем в юности, и потому я был крайне самодоволен. С 69-го года *внезапно* начался перелом; удар следовал за ударом. Я впервые ясно почувствовал над собою какую-то высшую десницу и захотел этой деснице подчиниться и в ней найти опору от *жесточайшей* внутренней бури; я искал только *формы* общения с Богом. *Естественнее* всего было подчиниться в *православной форме*. Я поехал на Афон, чтобы *попытаться* стать *настоящим* православным; чтобы меня строгие монахи *научили* веровать. Я согласен был им *подчиниться* умом и волей"²¹.

Но почему Леонтьев все-таки шагнул в монастырь? По мнению Бердяева, в основе пережитого им религиозного переворота лежит ниспосланная Благодать Божья. "Душевная почва была готова, и Божия благодать совершила дело перерождения души. Характер духовного переворота предопределил религиозный тип К. Леонтьева. В его религиозном обращении действовала благодатная сила Божия"²².

Желание стать монахом возникает у мыслителя именно на Афоне, в месте уникальном, полностью удаленном от всего мирского, месте замкнутости в Боге. Возрожденческое восприятие Бога "через гения" ("гения мастера", "гения природы", "гения красоты"), на Афоне заменяется восприятием "Бога как такового", возможностью прямого общения с ним. Первый раз Леонтьев соприкасается с мистическим, но это не значит, что для него мистическое вытесняет эстетическое. По мнению большинства исследователей, уход Леонтьева в монастырь — это отказ от его возрожденческого пафоса. Но этот шаг пронизан вполне возрожденческой, можно сказать, католической страстностью. Кто сказал, что Возрождение, раз явившись, умерло? Оно длится. В культуре есть маяки, несущие открытый свет. В России — это прежде всего Пушкин (Леонтьев противопоставляет его занудному моралисту Л. Толстому), сам Леонтьев, Вл. Соловьев, Достоевский, который вполне в католическом духе заставляет старца Зосиму отправить Алешу в мир (за что бранил писателя Лев Тихомиров). Недаром Леонтьеву, при его страстном, всепоглощающем православизме, так

¹⁸ Леонтьев К.Н. Избр. письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 587.

¹⁹ Там же. С. 345.

²⁰ Там же. С. 586–587.

²¹ Леонтьев К.Н. Мое обращение и жизнь на святой Афонской горе... С. 737.

²² Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. С. 174.

направилась идея всемирной теократии Вл. Соловьева. Мыслитель хоть и собирался написать возражения на его работу “Россия и Вселенская церковь”, но в принципе был готов признать союз с Папой. Ведь все Возрождение делалось умом и руками глубоко верующих людей, часто монахов. Достаточно вспомнить хотя бы Николая Кузанского, который был папским легатом, кардиналом, первым заместителем и советником папы Пия II, Марсилио Фичино — каноника Флорентийского собора, Леонардо Бруни — секретаря папской курии или же Джироламо Савонаролу — философа-монаха, призывавшего флорентийцев к “сожжению суеты”. Жизнь в контексте монастыря — это закономерный путь мыслителя Возрождения, никогда не отрицавшего Бога, но искавшего прикосновения к Нему.

Леонтьев чрезвычайно близок по своим взглядам к мыслителям Возрождения. Его, несомненно, можно назвать alter ego Савонаролы, который на первый взгляд отказался от возрожденческих ценностей, хотел вернуться к Средним векам. На самом же деле, находясь под влиянием идей флорентийской Платоновской академии, он пытался очеловечить средневековую ортодоксию, критикуя и обличая в своих проповедях современное ему общество с его чрезмерной жизнерадостностью духа и более всего представителей высшего клира. Он стремился к нравственному величию и христианскому идеалу, без которого человечество обречено на гибель. Он привлек к себе и выдающихся деятелей культуры флорентийского кватроченто. На его проповеди приходили и Джованни Пико делла Мирандола, и Джироламо Бенивьяни, и великий Сандро Боттичелли. Савонарола далеко не был чужд искусству, при его поддержке сооружена бронзовая скульптура работы Донателло “Юдифь и Олоферн”, которая стала символом свободы Флоренции. Благодаря ему удалось сохранить рукописи сочинений античных авторов, собранные Никколо Никколи. Монашество и проклятия разврату совершенно не мешали ценить Савонароле прекрасное и быть поклонником высокого искусства. Он, безусловно, был героической фигурой итальянского Возрождения, на свой лад мучеником, пострадавшим ради торжества ценностей христианства.

Леонтьев точно так же ценил прекрасное и верил в добродетель, которая освящает жизнь человека, давая ему истинную свободу. Не случайно он оказался одним из духоводителей русского религиозного Ренессанса. Уход в монастырь — не отказ от Возрождения, а закономерный итог возрожденческого пафоса человека. Будучи на Афоне, Леонтьев рассказал отцу Иерониму о намерении описать причины своего обращения. Отец Иероним согласился и прибавил: “Вот, скажут, однако на Афоне какие иезуиты: доктора, да и еще и литератора нынешнего обратили”²³.

Леонтьев опередил свое время. За ним пошли С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Свентицкий, С.М. Соловьев (племянник Вл. Соловьева, принявший католичество). Это была попытка придать православию страсть. Леонтьев — вполне состоявшийся в позитивистской России человек Возрождения. Он писал: “Байрон бежал из цивилизованных стран в запущенные тогда и одичалые сады Италии, Испании и Турции. Тогда в Турции еще жил Али-паша Янинский, которого свирепость была живописнее серой свирепости французских коммунаров; в Италии в то время было еще воспитательное царство развалин и плюща, калабрийских разбойников, мадонн и монахов. <....> Без мистики и пластики религиозной, без величавой и грозной госу-

²³ Леонтьев К.Н. Мое обращение и жизнь на святой Афонской горе... С. 782.

дарственности и без знати, блестящей и прочно устроенной, — какая же будет в жизни поэзия?.. Не поэзия ли всеобщего *рационального мещанского счастья?*..”²⁴ Оптина, наиболее близкая к Афонским монастырям, стала закономерным итогом жизни Леонтьева. Он страстно искал состояния близости с Богом, общения с ним, готовился к этому многие годы. Старец Амвросий долго не давал благословения на постриг и отправлял его в мир, как Зосима Алешу. Постриг был принят Леонтьевым перед самой смертью, когда близость с Богом обретает основу в другом пространстве и времени, обретает ее в истинном Бытии.

Мыслитель не мог пойти по пути упрощения форм, выбранного европейским обществом рационализма. Свои душевные стихии и страсти он подчинил догмам византийского православия. Переехав в Оптину пустынь, которая напоминала ему о старой лучшей России, «благополучно отстаивающей себя у России новой, либеральной и космополитической, от мерзкой России пара, телефонов, электрического света, суда присяжных, пиджака, “Вестника Европы”»²⁵, Леонтьев не нашел полноценного покоя. Философ заканчивает свою монографию об отце Клименте Зедергольме так: “Мне часто приходится теперь зимой, когда я приезжаю в Оптину Пустынь, проходить мимо той дорожки, которая ведет к большому деревянному Распятию маленького скитскою кладбища. Дорожка расчищена, но могилы занесены снегом. Вечером на Распятии горит лампадка в красном фонаре, и откуда бы *я ни* возвращался в поздний час, я издали вижу этот свет в темноте и знаю, что такое там, около этого пунцового, сияющего пятна. Иногда оно кажется кротким, но зато иногда нестерпимо страшным во мраке посреди снегов!.. Страшно за себя, за близких, страшно особенно за родину...”²⁶

Романтическая эстетика Леонтьева требовала существования зла наряду с добром. Это повлияло и на его понимание христианства²⁷. Розанов справедливо отмечал, что в последних строках монографии о своем духовном отце “Леонтьев как-то обнажил душу свою, насколько не утешенную тишиною Оптиной Пустыни, куда он причалил свой корабль под конец жизни, не умиренную ее миром, мятушуяся, неуспокоенную”²⁸. Мыслитель смотрел далеко в будущее. Его религиозное сознание было направлено не на личное спасение, наоборот, он ждал конца и предчувствовал приближение Антихриста.

Трагическое предчувствие неизбежности конца мира и прихода царства Антихриста у Леонтьева, несомненно, проистекает из отношения к либерально-эгалитарному прогрессу. Философ полагал, что причиной начала конца и гибели мира является всеобщее упрости-тельное смещение. Последние плоды гуманизма — демократия, социализм, анархизм — несут в себе разрушительную, губительную, антихристианскую силу. Он предчувствовал мировую революцию, в которой погибнут все святые и ценности благородного старого мира, и связывал ее с действием Антихристового духа²⁹. Он пришел к осознанию, что всемирная история близится к своему завершению и что самое важное для каждого человека — достойно принять этот эсхатологический конец.

²⁴ Там же. С. 736.

²⁵ Леонтьев К.Н. Избр. письма... С. 190.

²⁶ Леонтьев К.Н. Жизнеописание о. Климента Зедергольма // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч... Т. 6. Кн. 1. С. 352.

²⁷ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. С. 170.

²⁸ Розанов В.В. О Константине Леонтьеве // Розанов В.В. Соч. М., 1990. С. 446.

²⁹ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. С. 430.